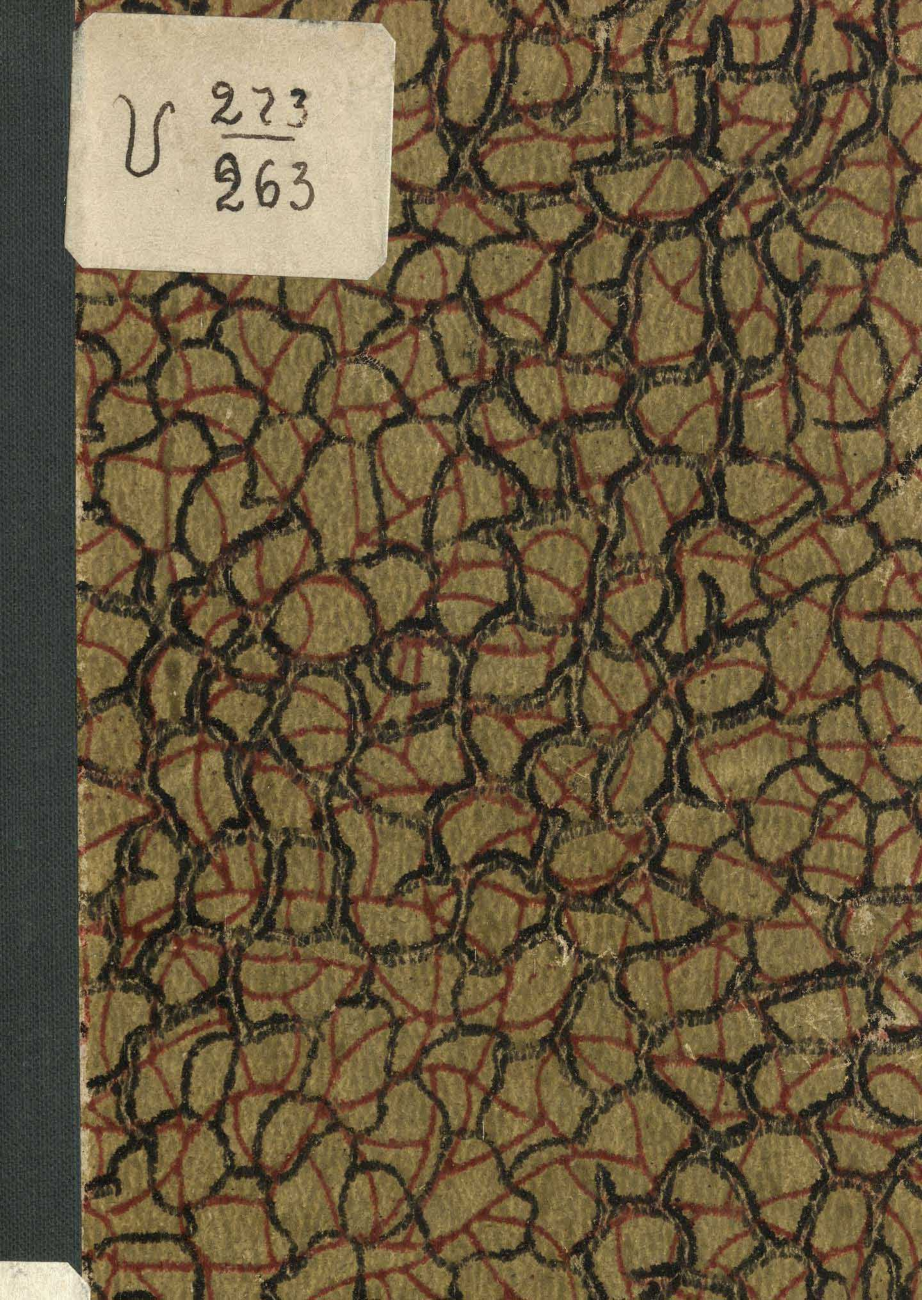
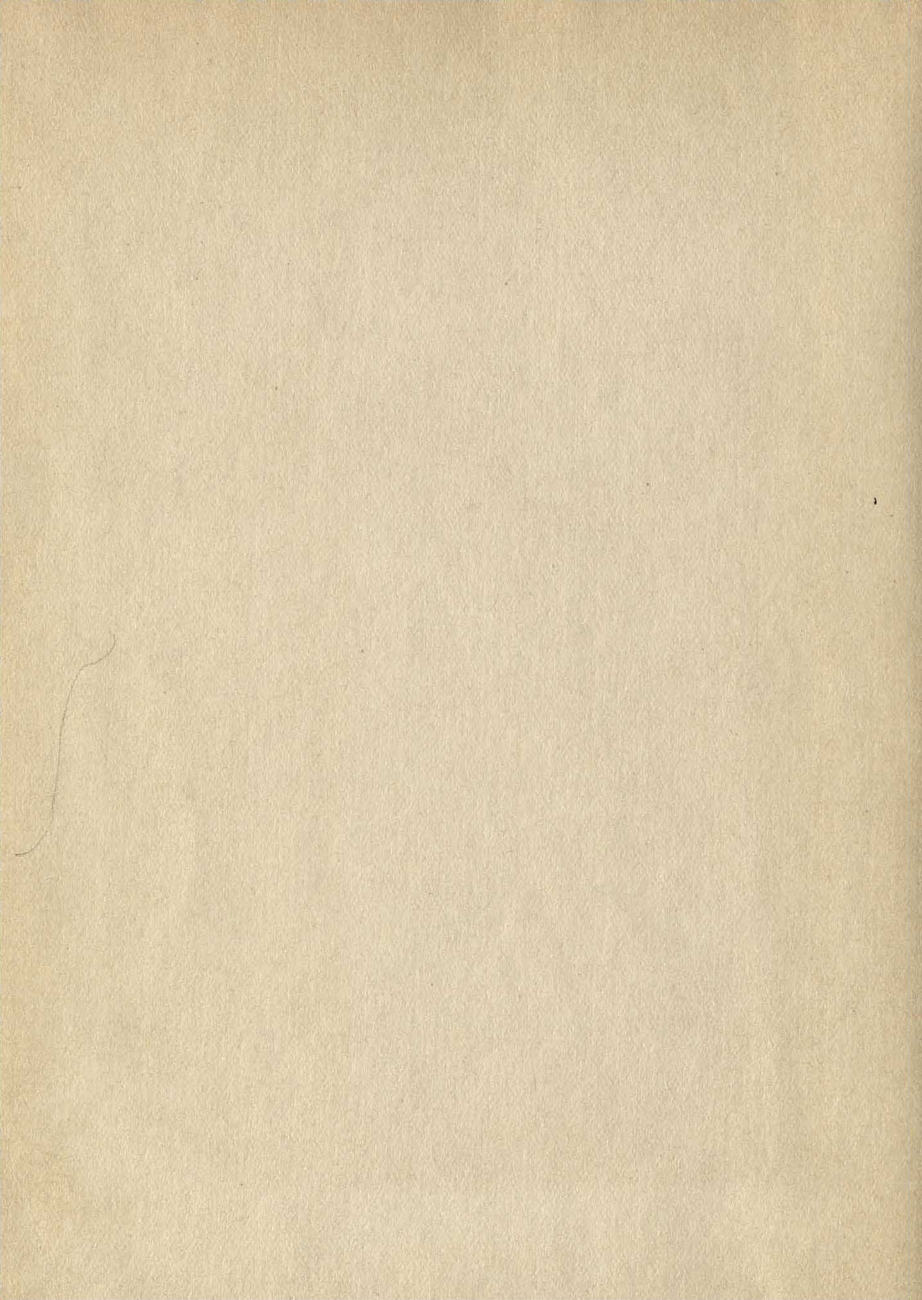

U 223/263

Временный Комитетъ Государственной Думы.

Иванъ Лукашъ.

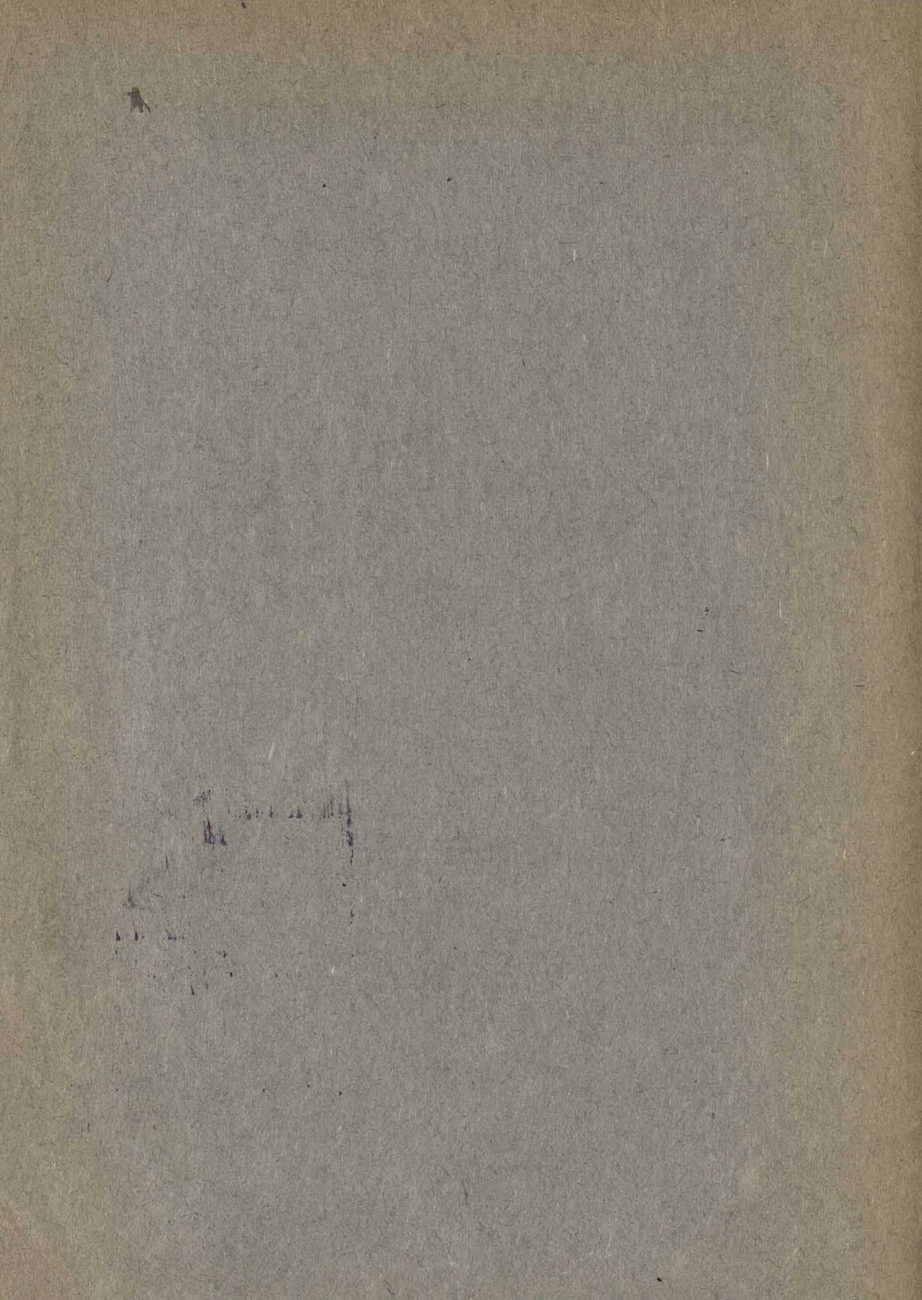
ПАВЛОВЦЫ.

Издательство «ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССІЯ».

№ 6.

Цѣна 15 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.
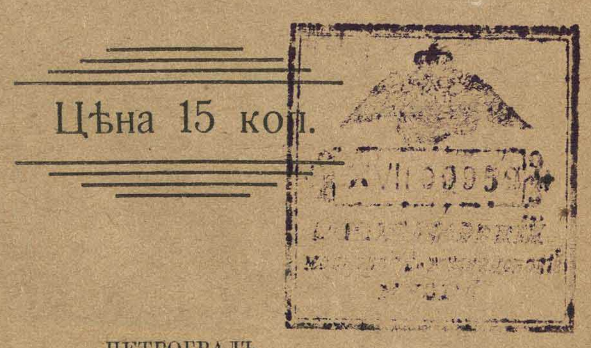

Временный Комитетъ Государственной Думы.

Иванъ Лукашъ.

ПАВЛОВЦЫ.

Издательство «ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССІЯ».

Цѣна 15 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1917.

2007075875

ПАВЛОВЦЫ.

«Мы не примемъ народную кровь на бѣлыя Павловскія петлицы».

I.

Четвертая рота лейбъ-гвардіи Павловскаго полка...

Геройская рота, 26 февраля, въ 3 ч. дня, изъ низкихъ казармъ у Марсова поля, первой вышла къ народу эта Павловская рота. Солдатское возстаніе началось здѣсь, но здѣсь — оно кончилось пораженіемъ.

Въ ту же ночь, въ другомъ концѣ города, въ казармахъ Волынцевъ выносили изъ цейхгауза патронные ящики и забирали въ учебную команду пулеметы. Волынцы готовились... И, 27 февраля, на день позже, когда была уже окружена пулеметами обезоруженная Павловская рота, возстаніе Волынцевъ подняло всѣхъ, разлилось и затопило въ нѣсколько часовъ весь городъ. Возстаніе ихъ — было побѣдой.

Не будемъ расщеплять и дѣлить листья лавровъ: первыми были и Павловцы и Волынцы, безтрепетными героями были всѣ. И ровнымъ свѣтомъ славы озарено лицо всей нашей революціонной гвардіи.

Слово за словомъ записалъ я неторопливый солдатскій разсказъ.

Еще 25 февраля изъ казармъ въ городъ не отпускали никого.

26 февраля также никто не получилъ увольнительныхъ записокъ. Это было воскресеніе, но роту заставили работать: набивать соломой солдатскіе матрацы.

Рабочія демонстраціи шумѣли въ городѣ. Всѣ знали, что на Невскомъ разстрѣливаютъ народъ, что безчинствуютъ на улицахъ сильные и безпощадные... До обѣда, во всѣхъ углахъ казармъ шли горячіе разговоры, звали другъ друга, бодрили, но не было общаго духа. Человѣкъ двадцать уже надѣли-было шинели, но въ гулѣ голосовъ не было единодушія и порыва. Павловцы не вышли.

Около 2 ч. дня къ казарменнымъ воротамъ подошла кучка рабочихъ. Тамъ всѣ были разстроены и блѣдны. Какой-то мальчикъ плакалъ. Перебивая другъ друга, рабочіе разсказали дневальнымъ, какая жестокая бойня идетъ на Невскомъ.

— Скажите товарищамъ, что и Павловцы въ насъ стрѣляютъ... Мы видѣли на Невскомъ солдатъ въ вашей формѣ.

Павловцы стрѣляютъ! Это была послѣдняя слѣпящая молнія, за которой разомъ ударилъ громовой раскатъ. Казармы заволновались, заходили и былъ слышенъ въ разноголосомъ гулѣ одинъ крикъ, повелительный и рѣзкій, какъ команда:

— Всѣ одѣваться! На улицы!... Одѣваться!

И тогда крикнулъ чей-то молодой голосъ тѣ яркія слова, которыя сіяютъ надъ всѣмъ возстаніемъ четвертой роты:

— Ни за что мы не примемъ народную кровь на бѣлыя павловскія петлицы...

Опустѣли всѣ нары. Съ грознымъ гуломъ двинулись къ воротамъ, на улицу. Шли безъ винтовокъ, шли съ голыми руками. Дорогу пересѣкало нѣсколько офицеровъ, тѣхъ офицеровъ, которыхъ теперь уже нѣтъ въ полку. Обнажили шашки, бросились на безоружныхъ солдатъ и погнали ихъ обратно въ казармы.

Казарменныя ворота захлопнулись. Перекатывается подъ сводами гнѣвный ревъ... Въ роту пришли офицеры, бывшій ротный командиръ крикнулъ— «въ чемъ дѣло»? Ему отвѣтилъ спутанный гулъ, откуда вырывались только отдѣльные выкрики:

— Кто приказалъ Павловцамъ стрѣлять? Снять наши посты съ улицъ!... Довольно, не будемъ, не хотимъ стрѣлять въ народъ.

Вдругъ дернулся и прогрохоталъ выстрѣлъ. Съ потолка посыпались щебни штукатурки. Офицеры поспѣшно вышли.

Мятежъ запалилъ свои красные факелы:

— Громи, берись за винтовки!—метались призывы.—На улицы!... Гдѣ винтовки?

Бросились во дворъ къ ротному цейхгаузу. Сбили тяжелые засовы, однимъ напоромъ вышибли двери. Разобрали всѣ винтовки и патроны. Но только 30 винтовокъ нашлось на всю роту. И почти съ голыми руками пошла въ тотъ день къ народу геройская павловская рота.

Къ воротамъ жмется кучка рабочихъ. Они побѣжали, лишь увидѣли какъ выплываетъ на улицу рота, лишь услышали первые раскаты «ура». Они не поняли, они испуганно бѣгутъ... Солдаты срываютъ фуражки, подымаютъ ихъ на штыки, машутъ платками.

— Стой, стой... Мы съ вами, мы за васъ.

Солдатская толпа еще колыхается около воротъ. Къ ней подбѣгаетъ бывшій командиръ батальона, полковникъ Экстенъ, что-то говоритъ, приказываетъ... Гулкій ревъ, грохотъ выстрѣла, солдаты двинулись дальше—полковника оттѣснили.

Изъ подошедшей толпы рабочихъ, выходитъ вдругъ молоденькій офицерикъ. Чернобровый, живой,—разсказываютъ солдаты.

— Товарищи,—скомандовалъ офицеръ.—Кто съ винтовками—за мной!

Офицеръ... Еще одинъ безымянный герой-офицеръ. Мы знаемъ уже, какъ въ первую атаку на Литейномъ мосту Волынцевъ, повелъ юный прапорщикъ. И 26 февраля—офицеръ, другой безымянный и юный офицерикъ повелъ за собою Павловцевъ къ народу...

Солдаты подняли его на руки. Понесли, а надъ головами качалась солдатская винтовка, что была въ рукахъ офицера... По Екатерининскому каналу двинулись на Невскій.

Павловцы миновали уже церковь Воскресенія на крови, когда по другую сторону Екатерининскаго канала, показались съ Михайловской площади конные городовые. Они подскакали къ самой рѣшеткѣ, приподнялись на сѣдлахъ... Что такое? Городовые стрѣляютъ. Револьверный залпъ, еще залпъ.

Молодой офицеръ, за которымъ шли павловцы, скомандовалъ:—«Въ цѣпь!» Рызсыпались, залегли, открыли съ колѣна отвѣтную стрѣльбу. Екатерининскій каналъ задымился... Прапорщикъ вдругъ шатнулся, поблѣднѣлъ, какъ снѣгъ, и сталь спол-

зать на панель отъ рѣшетки. Онъ былъ раненъ. Чей-то автомобиль поднялъ его и быстро увезъ. Павловцы остались безъ командира.

Кто онъ, этотъ черноволосый мальчикъ, этотъ первый герой-офицеръ, съ которымъ солдаты пошли навстрѣчу свободы? Не знаемъ мы его имени...

Залпъ догонялъ залпъ. Били бѣглымъ огнемъ, не жалѣя патроновъ. Упалъ еще одинъ раненый: какой-то коренастый матросикъ Балтiйскаго экипажа. А, за чугунной рѣшеткой канала, было видно, какъ поднялась на дыбы и тяжко грохнулась лошадь. Раскинувъ руки, рухнули съ лошадей еще трое городовыхъ. Повернули коней городовые, пригнулись къ сѣдламъ и ускакали назадъ, точно ихъ вѣтеръ смахнулъ...

Но навстрѣчу павловцамъ, изъ-за угла Конюшенной площади, выходила другая еще болѣе грозная цѣпь: рота преображенцевъ, съ винтовками въ рукахъ, пересѣкла улицу. Затихшая толпа павловцевъ медленно и грозно продвигалась къ цѣпи. Барабанъ глухо ударилъ оттуда. Тревожная и быстрая барабанная дробь... Сигналъ для стрѣльбы. Неужели солдатъ будетъ стрѣлять въ солдата?

— Что вы дѣлаете, не смѣйте стрѣлять... Не стрѣляйте, товарищи! Братья...—вырывались горячiе призывы изъ рядовъ павловской роты.

Рослые преображенцы вскинули винтовки за плечи, кто-то оттуда крикнулъ: «Не будемъ, не будемъ!» Преображенцы быстро ушли.

Темнѣло. Былъ шестой часъ вечера... Нѣтъ уже у геройской роты молодого, безымяннаго командира. Разстрѣляны всѣ патроны, и почти нѣтъ винтовокъ, а безъ винтовки солдатъ, какъ безъ рукъ.

Безоруженные, они такая же толпа, какъ толпы голодныхъ демонстрантовъ на Невскомъ. Нужна побѣда, а не гибель!.. Нужно собраться съ силами, позвать товарищей солдатъ на общее дѣло, нужно вернуться въ казармы.

Павловцы медленно повернули обратно.

Невольно вспомнишь здѣсь, какимъ ликующимъ потокомъ катилось на другой день возстаніе волынцевъ, какъ мгновенно подымали они полкъ за полкомъ. Павловцы были одни. Затеряны ихъ низкія красныя казармы въ глухихъ улицахъ около конюшеннаго вѣдомства. Нѣтъ у нихъ винтовокъ и пулеметовъ. Нѣтъ вблизи славныхъ товарищей. Одни, съ разстрѣлянными патронами, безъ товарищей командировъ—они повернули обратно въ казармы.

Возстаніе четвертой павловской роты—трагическая страница нашего солдатскаго возстанія...

Въ казармахъ роту встрѣтилъ полковникъ Экстенъ. Онъ старался успокоить солдатъ, онъ послалъ въ батальонъ свою визитную карточку съ приказаніемъ снять павловскіе посты съ улицъ. Вскорѣ ушелъ... И только что вышелъ на улицу, изъ толпы демонстрантовъ, что пришли къ казармамъ съ Невскаго, грянулъ револьверный выстрѣлъ. Полковникъ упалъ у мостика черезъ каналъ, полковникъ былъ тяжко раненъ въ голову... Толпа разбѣжалась.

И когда павловцы вышли къ нему изъ казармъ, онъ лежалъ, какъ мертвый. Но вотъ зашевелился, вздохнулъ и приподнялъ голову.

— Братцы,—прошепталъ онъ, узнавъ своихъ солдатъ.—Братцы, положите меня на шинель... Я лежу на сырой землѣ.

Кто-то сбросилъ свою шинель. Полковника, потерявшаго снова сознаніе, подняли на руки, принесли на шинели въ роту. Тихо и бережно опустили тамъ на солдатскій матрацъ. Полковника унесли въ полковой лазаретъ на солдатскомъ матрацѣ, пропитавшемся за дорогу кровью...

Началась трагедія. Трагедія перваго дня, который былъ днемъ пораженія.

Глубокая тишина въ казармахъ четвертой роты. Время ужинать, по ужинать никто не садится. Многіе легли на нары и закрылись съ головой. Другіе сидѣли, опустивъ головы на руки, тихо переговариваясь.

— Все потеряно, товарищи... Теперь подъ разстрѣлъ намъ идти. Не довелось прорваться къ родному народу...

Тишина. Подъ высокими сводами тускло горятъ въ сыромъ туманѣ электрическія лампочки. Сырыя казармы у четвертой роты—онѣ передѣланы изъ придворныхъ конюшенъ. И тамъ всегда въ зеленоватыхъ пятнахъ плѣсени потолокъ и всегда мутной и влажной стѣной стоитъ туманъ. А въ тотъ вечеръ будто еще тяжелѣе и глуше давила грудь эта парная стѣна...

Скоро въ казармы пришли офицеры. Много ихъ было, очень много. Блѣдные взволнованные они молча прохаживались вдоль наръ, гдѣ сидѣли и лежали затихшіе солдаты.

Въ 8 час. вечера данъ былъ приказъ отобрать у четвертой роты оружіе.

Они отдали свои тридцать винтовокъ. Они знали, что обороняться нечѣмъ, что больше нѣтъ ни од-

ного патрона. Винтовки взяли и унесли. Въ 8 час. вечера, 26 февраля,—все было кончено...

Прижимаясь горячими лицами къ стекламъ, многіе смотрѣли въ темныя окна. Казармы—окружены. Подъ самыми окнами стоятъ солдатскія цѣпи. Пулеметы на набережной. Кругомъ казармъ желѣзное кольцо пулеметовъ. Ихъ по три противъ каждой двери. Узкія, темныя жерла грозятъ со всѣхъ сторонъ. Все кончено...

Ночь уже настала. Долго еще не умолкалъ печальный шопотъ переговоровъ на нарахъ, но мало-по-малу все стихло. Притупили электрическія лампочки. Въ полутьмѣ—безшумно метались въ оконныхъ стеклахъ красноватые отблески костровъ. На улицѣ, кругомъ костровъ, грѣлись въ морозномъ туманѣ сторожившіе четвертую роту солдаты.

2 ч. ночи. Тяжелымъ сномъ уснули казармы. И тогда начались въ темнотѣ глухіе и быстрые аресты.

Берутъ по одному, берутъ хитростью. Крадучись подходятъ къ нарамъ, осторожно будятъ и тихо шепчутъ то одно, то другое.

— Вставай, братъ,—ты назначенъ въ командировку... Проснись, да потише,—тебѣ на дневальство идти... Чего заспался,—въ канцелярію тебя вызываютъ.

Каждый вставалъ, тихо одѣвался и уходилъ, не зная, что передъ нимъ уже вышли другіе. Только выведутъ за первую дверь,—тамъ толпа офицеровъ Въ головѣ мелькаетъ: это не то, это обманъ, не затѣмъ везутъ, зачѣмъ вызывали. Только выведутъ за вторую дверь,—тамъ кругомъ смыкается конвой.

Штыки наставлены на грудь. Замираетъ крикъ. Спятъ товарищи, не слышатъ... А если бы крикнуть, а если бы позвать ихъ на помощь!

II.

Арестованныхъ выстроили на Екатерининскомъ каналѣ. Девятнадцать товарищей было взято изъ четвертой роты. Оглядѣлись они, узнали другъ-друга. Кто-то было заговорилъ, но изъ темноты рѣзкій голосъ крикнулъ:

— Молчать! Если будутъ между собой разговаривать, бей ихъ прикладомъ безъ пощады...

У казармъ разложены костры. Видны въ багровомъ дыму недвижныя тѣни часовыхъ и настороженные силуэты пулеметовъ,—лучше не глядѣть. . Наконецъ послышалась глухая команда—«Направо, шагомъ маршъ!» Двинулись.

Марсово поле. Темное и длинное Марсово поле. Промелькнула мимо глазъ бѣлая колоннада старинныхъ Павловскихъ казармъ. Конвойные идутъ въ двѣ шеренги—ихъ больше шестидесяти человѣкъ Молча идутъ они.

Вышли на Троицкій мостъ. Онъ широкъ и безлюденъ и кажется черной Нева подъ высокими пролетами. А за мостомъ въ сумракѣ ночного неба высится нѣмой тѣнью Петропавловская крѣпость.

Конвой свернулъ на деревянный крѣпостной мостъ. Проходитъ подъ первую арку воротъ. У подворотной иконы теплится тихая, синяя лампада. Павловцы сняли фуражки и перекрестились одинъ за другимъ, сосредоточенно и медленно.

Вторая арка. Потомъ стѣна какого-то зданія. Павловцевъ выстроили. Офицеръ ушелъ. Конвой и

арестованные молча ждали, когда онъ вернется. И вотъ, снова команда.

— Пять конвойныхъ впередъ!.. Остальные по бокамъ: пропустить арестантовъ!

Тихо застоналъ въ замкѣ ключъ. Маленькая калитка отворилась въ стѣнѣ. Одинъ за другимъ прошли въ нее Павловцы. Снова застоналъ ключъ— калитку захлопнули.

Арестованные стояли на небольшомъ дворикѣ, узкомъ и темномъ, какъ колодецъ. Мигающимъ, непривѣтливымъ глазомъ свѣтился въ одномъ только окнѣ желтый свѣтъ. Павловцевъ вызываютъ по пяти человѣкъ и по пяти человѣкъ уводятъ туда, гдѣ свѣтится въ темнотѣ желтый глазъ окна.

Это вѣроятно была тюремная канцелярія: вороха бумагъ на столахъ, всюду красныя и синія папки дѣлъ. Лысый, полный офицеръ поднялъ отъ бумагъ голову. Равнодушно переспросилъ фамиліи, неторопливо записалъ ихъ въ книгу. Павловцевъ обыскали, отобрали отъ нихъ ремни и ножи. Лысый офицеръ приказалъ, чтобы въ камерахъ была полная тишина, махнулъ рукой... Арестованныхъ увели.

По широкой, освѣщенной электричествомъ лѣстницѣ, ведутъ куда-то наверхъ. Вошли въ глухой корридоръ, съ желѣзными, узкими дверями въ обѣихъ стѣнахъ.. По девяти человѣкъ, кромѣ одного, котораго заключили отдѣльно, павловцевъ разводятъ по камерамъ. Съ тяжелымъ звономъ захлопнулись кованыя двери.

Трубецкой равелинъ замкнулъ въ глухомъ камнѣ своихъ стѣнъ—послѣднихъ борцовъ, послѣднихъ страдальцевъ во имя свободы...

Холодный и спертый въ камерахъ воздухъ.

Въ стѣнѣ—мрачный огонекъ одинокаго ночника. Узкое, квадратное окно, забранное четырмя толстыми, желѣзными прутьями. Желѣзная койка, привинченная къ стѣнѣ. Кто усталъ—прислонился къ дверямъ, кто сѣлъ на койку, кто молчаливо и мѣрно заходилъ изъ угла въ уголъ... Волнуются всѣ. По спинѣ пробѣгаетъ жуткая дрожь, точно самую душу пронизываетъ холодъ каменныхъ стѣнъ.

Только на разсвѣтѣ, когда стало уже тихо розовѣть и запотѣло окно за посинѣвшими прутьями рѣшетки, заснули въ Трубецкомъ равелинѣ. Спали на корточкахъ, прижимаясь къ холодной, влажной стѣнѣ. Спали, устало раскидавшись, на каменномъ полу...

Утро 27 февраля. Кирпичниковъ вывелъ уже учебную команду Волынцевъ къ народу, но попрежнему, въ другомъ концѣ города, окружена пулеметами и войсками геройская Павловская рота. Изъ казармъ не выпускали даже больныхъ. Еще съ ночи шли допросы. И многіе видѣли, какъ на улицѣ, караулы захватывали тѣхъ Павловцевъ, кто возвращался изъ города домой. Не пропускали ихъ въ родную роту... Такъ было задержано еще 16 товарищей и отправлено подъ арестъ на баталіонную гауптвахту.

Съ ранняго утра тамъ велъ допросъ самъ Хабаловъ. Онъ все писалъ и писалъ. Солдаты помнятъ загнутый, какъ у хищной птицы, генеральскій носъ, помнятъ чуть прищуренный и жесткій взглядъ изъ-подъ насупленныхъ бровей. Всѣ допросы онъ заканчивалъ окрикомъ:

— А ты знаешь, что тебѣ будетъ за это?

— Такъ точно, знаю!—не спуская глазъ, отвѣ-

чалъ каждый изъ солдатъ. Всѣ знали, что ждетъ одно: безпощадный разстрѣлъ...

Къ обѣду Хабаловъ пріѣхалъ въ четвертую роту. А въ ротѣ съ 8 ч. утра солдатъ усадили за изученіе тупой «словесности». Они повторяли безсмысленныя, тяжелыя фразы о знамени и царской фамиліи, а въ головѣ билась одна мысль:—когда же выстроютъ, когда же поведутъ,—безоружныхъ и молчаливыхъ, туда, гдѣ уже быть можетъ погибли девятнадцать товарищей.

Хабаловъ торопливо прошелъ въ ротную канцелярію. Туда были вызваны отдѣленные и взводные. Снова угрозы и окрики, снова допросъ... Въ 2 ч. дня генералъ быстро уѣхалъ.

Посмотрѣли въ окна павловцы, а охраны уже нѣтъ. Войска снялись и ушли... И тогда же прокатилась вдругъ благостная вѣсть по казармамъ—возстали волынцы, литовцы, саперы. Войска пошли добывать народу свободу. На улицахъ бой... Отлегло съ сердца у павловцевъ. Точно все посвѣтлѣло.

— Развеселилась тогда у насъ душа,—вспоминаютъ они съ улыбкой.

Около 4 ч. дня преображенцы вызвали павловцевъ къ Зимнему дворцу. Они звали туда всѣхъ, чтобы сказать, что войска съ народомъ, что они не будутъ больше стрѣлять въ своихъ братьевъ. Но никому не довѣряла четвертая рота, и тамъ всѣ ждали новыхъ обмановъ и хитрыхъ ловушекъ. И только тогда пошли они ко дворцу, когда съ хоромъ музыки, двинулся на Дворцовую площадь весь Павловскій полкъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ павловцы были недолго. Недовѣріе и безпокойство, незнаніе зачѣмъ вызвали

солдатъ во дворецъ,—заставило ихъ покинуть дворцовые подвалы, гдѣ отвели имъ стоянку, и быстро вернуться назадъ въ казармы.

Это было въ 6 ч. вечера. Городъ уже возсталъ. Съ пронзительнымъ свистомъ носились сѣрые броневики. Улицы колыхались въ гулкомъ топотѣ идущихъ сражаться толпъ. Красныя знамена, автомобили съ пулеметами, увѣшанные лентами патроновъ солдаты и перекаты залповъ и дыханіе заревъ въ небѣ... Городъ возсталъ.

Когда павловцы вернулись отъ дворца, ихъ казармы уже были заняты народомъ. И восторженнымъ «ура» встрѣтилъ народъ геройскую павловскую роту. Студенты и рабочіе, съ винтовками въ рукахъ, заняли караулы вокругъ казармъ.

— Спите, товарищи,—говорили они.—Вы свершили свое великое дѣло. Отдыхайте, родные... Мы смѣнимъ васъ до утра.

— Огнемъ, пылающимъ огнемъ горѣли у насъ въ тѣ минуты сердца,—взволнованно вспоминаютъ павловцы.

Грозное дыханіе борьбы опалило городъ. Въ бряцающемъ гулѣ толпъ солдаты на сверкающихъ штыкахъ несли народу юную свободу. Уже корчились въ судорогахъ палачи, мучительной вѣковой пыткой пытавшіе народы Россіи. Черный орелъ Самодержавія, раненный на смерть,—распустилъ, наконецъ, свои цѣпкіе, желѣзные когти.

А въ Трубецкомъ равелинѣ отсчитывались еще послѣднія, страдальческія секунды. Тамъ ничего не знали, тамъ вслушивались въ каждый шагъ, въ каждый шорохъ на глухихъ коридорахъ. Тамъ ожидали—разстрѣла.

3.

Медленно, какъ сочатся капли, проходили въ равелинѣ часы. Очень долгимъ казался день 27 февраля. Говорить не хотѣлось и каждый думалъ свою тяжелую думу.

— Вотъ, братцы,—сказалъ кто-то,—какъ въ 1905 году спрячутъ всѣхъ насъ на вѣкъ въ глухіе казематы, никто и не узнаетъ...

Ему не отвѣтили, думали... Они не дорожили собой, они-то уже пропали. Жаль одного, такъ жаль, что никто изъ товарищей не узнаетъ объ ихъ страшной долѣ, что никогда не увидитъ родина тѣхъ, кто отдалъ ей свою молодую жизнь и молодую кровь.

День шелъ къ обѣду. Перебрякнулись тихо ключи и пріоткрылась дверь. Надзиратель принесъ нѣсколько кусковъ сахару и хлѣба. У всѣхъ торопливые, тревожные вопросы:

— А какъ на волѣ?.. Что съ нашей ротой? Взяты ли еще товарищи?..

Насупился надзиратель и, складывая на койку хлѣбъ, угрюмо отвѣтилъ:

— Не знаю! Ничего не знаю.

Принесли черезъ полчаса постныхъ и жидкихъ щей, а потомъ чаю. Къ ѣдѣ никто не притронулся. И надзиратели нетронутымъ унесли все назадъ... Тосковала и болѣла душа. И если прижимали руку къ груди, слышали, какъ неровно и гулко бьется сердце. Ждали допроса, ждали разстрѣла. Съ ними расправятся безпощадно и быстро въ каменномъ нѣмомъ мѣшкѣ.

Истомилась душа. У всѣхъ обтянутыя, блѣд-

ныя лица, а глаза пылаютъ огнемъ лихорадки. Все-таки жаль, все-таки жаль своей молодости...

Стало уже темнѣть. Несутъ ужинъ. И снова встрѣчаютъ надзирателя истомленные вопросы и снова одинъ отвѣтъ—«не знаю». Только уходя, сторожъ вдругъ обернулся и тихо добавилъ:

— Не наше это дѣло... Но я, братцы, слышалъ, что въ крѣпости назначено помѣщенiе для 800 человѣкъ изъ вашей четвертой роты.

Значитъ и на волѣ—разгромъ. Значитъ, нѣтъ уже никакой надежды, что все кончено...

Нѣкоторые, послѣ нетронутаго ужина, легли на полъ, кутаясь въ шинели. Но никто не спалъ. Многiе ходили по камерѣ отъ стѣны къ стѣнѣ. Ходили по узкой, еле примѣтной бороздкѣ, пробитой на каменномъ полу шагами безчисленныхъ страдальцевъ... Въ десятомъ часу вечера помолились Богу и разостлали на полу шинели—начали укладываться. Вдругъ у дверей зазвенѣли колючимъ звономъ ключи. Всѣ встрепенулись.

— Идутъ за нами... Приготовьтесь, братья.

— По трое, одѣваться, скомандовалъ изъ-за дверей голосъ.

Тяжело первымъ уйти. Куда могутъ вести темной ночью,—вѣдь, подъ разстрѣлъ, только подъ разстрѣлъ. Двое играли въ шашки. Они еще днемъ скатали себѣ шашки изъ хлѣбныхъ шариковъ и теперь играли на самодѣльной доскѣ, заглушая душевную тоску. Имъ пришлось идти первыми, потомъ поднялся одинъ изъ лежавшихъ. Крѣпкимъ, послѣднимъ поцѣлуемъ простились они съ товарищами...

Вышли въ корридоръ. Тускло свѣтятъ электрическія лампочки. У желѣзныхъ дверей стоятъ часовые съ винтовками. По дорогѣ надзиратель сказалъ:

Васъ не на дворъ выводятъ... Приказано разсадить васъ по трое въ камеры, чтобы воздухъ былъ посвѣжѣе...

Въ новую камеру затворили ихъ, въ такую же, какъ прежняя. Принесли и разложили на полу матрацы. Легли товарищи и стали тихо разговаривать въ темнотѣ... Сыростью и холодомъ вѣяло отъ каменныхъ стѣнъ. И долго еще глухо гудѣли кованныя двери: въ корридорѣ переводили, вѣроятно другихъ товарищей.

Потомъ все стихло. Еще холоднѣе сталъ дышать камень стѣнъ. И слышался изрѣдка въ шорохѣ ночи дрожащій и робкій звонъ старинныхъ курантовъ.

Въ 4 ч. утра, 28 февраля, двери снова захлопали и загудѣли желѣзомъ. Спалъ изъ арестованныхъ только одинъ:

— Просыпайся, товарищъ,—будили его.—За матушку-родину подъ разстрѣлъ зовутъ. Слышишь,—уже идутъ...

Еще будили его, а въ ржавомъ замкѣ уже стоналъ ключъ.

— Вставайте!—бросилъ, заглянувъ въ камеру, надзиратель.

Всѣ быстро поднялись, быстро одѣлись и умылись. И, глядя въ чуть засинѣвшее окно, начали всѣ трое молиться. Они ждали смерти.

Старикъ-надзиратель, идя съ ними по корридору, оглядѣлся по сторонамъ и прошепталъ:

— Не робѣйте, товарищи... Мы идемъ къ лучшему.

Поглядѣли они на его сѣдую голову, на доброе и тихое лицо, а вѣры все-таки не было. Привели внизъ, въ канцелярію. А тамъ уже стоятъ другіе товарищи. Обрадовались, что всѣ въ живыхъ, заглянули другъ другу въ глаза, перекинулись быстрыми словами.

Еще было темно, еще горѣли огни. Вывели во дворъ, строиться приказали. А во дворѣ, снова окружилъ конвой.

И, когда строились во дворѣ, изъ-за крѣпостныхъ стѣнъ доносились волны пулеметнаго огня и далекіе залпы. Разспрашиваютъ конвойныхъ, а тѣ разговорчивые сегодня, веселые:

— Народъ воюетъ... И васъ приходили освобождать.

Засвѣтилась на поблѣднѣвшихъ лицахъ улыбка. Радостный смѣхъ послышался... Всѣхъ девятнадцать повели въ небольшой бѣлый домъ, на крѣпостную гауптвахту, вѣроятно. Тамъ большія, хотя и забранныя рѣшетками, окна, а внутри арестованныхъ отдѣляла отъ караула тоже рѣшетка, только деревянная.

Прильнули къ ней лицами павловцы, и пошелъ дружный, горячій разговоръ съ конвоемъ... Народъ возсталъ. Войска дерутся за свободу на улицахъ. Арестованныхъ вывели изъ Трубецкого равелина, потому что вотъ-вотъ падетъ Петропавловская крѣпость. Весь крѣпостной гарнизонъ съ народомъ...

Идетъ освобожденіе.

Раскаты и грохотъ стрѣльбы докатываются

съ Невы. У всѣхъ тогда такъ билось сердце, что казалось, не удержать его, что разобьется оно отъ потрясающей радости... Ближе и ближе смутный гулъ, выстрѣлы, перекаты «ура». Это было часовъ въ 10 утра.

Въ окна видно, какъ по двору, туда, откуда надвигается грозный гулъ, перебѣгаютъ съ винтовками солдаты. Безъ шинелей, встряхивая разноцвѣтными орденами, растерянно бѣгаютъ какіе-то генералы. У самой рѣшетки пробѣжалъ, быстро ковыляя, лысый, толстый офицеръ...

Показались крѣпостныя войска. На штыкахъ мечутся красные флажки. Они не бѣгутъ, они летятъ... Короткое, какъ ударъ грома «ура». Перезвонъ выбитыхъ стеколъ, разлетѣлась въ щепья деревянная рѣшетка.

Ворвались, и все смѣшалось, все сплелось въ объятьяхъ и крѣпкихъ поцѣлуяхъ. Кто-то радостно и звонко смѣялся, кто-то плакалъ навзрыдъ слезами счастья, кто-то тискалъ и не выпускалъ дрожащихъ рукъ.

Освобожденныхъ подняли на руки. Послѣднихъ страдальцевъ за свободу несутъ къ народу. Они качаются надъ толпой, и свѣтлѣютъ надъ всѣми ихъ блѣдныя, утонченныя страданіемъ, лица.

У многихъ изъ павловцевъ, еще съ ночи, былъ въ карманахъ солдатскихъ шароваръ хлѣбъ; они раздавали его дѣтямъ въ толпѣ...

Одни ворота, другія. Несутъ. Широкій свѣтъ льется въ глаза. Виденъ Троицкій мостъ, морозная даль Невы. Кругомъ ликуетъ народъ; онъ колыхается темной стѣной, а надъ ней трепещутъ и

мелькаютъ красныя знамена. Радостный свѣтъ льется въ глаза, радостный свѣтъ поетъ въ душѣ.

— Воля.. Воля... Воля...

Еще была нѣмая тишина въ Петропавловской крѣпости, и томились еще въ равелинѣ девятнадцать товарищей, когда, раннимъ утромъ 28 февраля, пришли въ четвертую роту изъ баталіона два молодыхъ павловскихъ офицера.

Съ вечера 27 февраля и ночью по всему городу разносили быстрые автомобили свѣжіе листы «Извѣстій».

— Старая власть пала. Избрано Временное Правительство. Всю ту ночь никто не спалъ въ домахъ и по всему городу толпился на улицахъ народъ. Восторженное «ура» всюду встрѣчало солдатъ...

Молодые офицеры радостно поздравляли четвертую роту съ паденіемъ стараго строя. Взрывомъ восторга отвѣтили офицерамъ казармы. По-солдатски, отъ всего сердца,—офицеровъ качали, высоко, чуть не подъ самые своды, подкидывая на крѣпкихъ рукахъ...

— Товарищи,- звали оба офицера, идемъ теперь къ Гос. Думѣ. Туда всѣмъ нужно собраться... Теперь нашъ порядокъ и наша дисциплина самое важное.

Дисциплина и порядокъ—вотъ что всюду приносилъ съ собой въ солдатское возстаніе революціонный офицеръ, а вѣдь нашъ желѣзный порядокъ самое главное теперь, когда германецъ угрожаетъ русской свободѣ своимъ, иззубреннымъ въ кровавыхъ бояхъ, смертельнымъ штыкомъ...

Въ 11 ч. утра геройская четвертая рота по-

строилась и двинулась къ Гос. Думѣ. По Миллiонной ул. шли тогда въ Думу преображенцы. Войска слились. Привѣтственная стрѣльба въ воздухъ, звенящiй громъ оркестровъ и пѣнiе толпы—катились по улицамъ радостнымъ гуломъ.

А въ тѣ же часы изъ воротъ Петропавловской крѣпости войска вынесли на рукахъ къ народу послѣднихъ освобожденныхъ страдальцевъ.

Пробилъ тогда величественный и свѣтлый часъ побѣды...

Двое офицеровъ прибыли на автомобилѣ въ Думу раньше своихъ солдатъ. И сразу получили тамъ приказъ отъ Временного Правительства вступить въ командованiе Михайловскимъ манежемъ и тѣми павловцами, которые съ ночи были въ Таврическомъ Дворцѣ.

Дѣло въ томъ, что еще 27 февраля, когда Павловскiй баталiонъ вернулся вечеромъ отъ Зимняго Дворца, когда вызвали его преображенцы, всѣ полковыя казармы, кромѣ казармъ четвертой роты, что на Мойкѣ,—были уже заняты народомъ... И многiе павловцы ушли тогда съ толпой на улицы, къ Гос. Думѣ, и многiе всю ночь провели въ Михайловскомъ манежѣ.

Офицеръ быстро собираетъ у Гос. Думы тѣхъ павловцевъ, кого нашелъ тамъ, строитъ ихъ и ведетъ, голодныхъ и усталыхъ отъ безсонной ночи, домой въ казармы.

По ликующимъ улицамъ шла домой уже не гвардiя самодержца, а осiянная вѣчной славой революцiи, народная гвардiя...

Городовые, купленные обѣщанiемъ позорныхъ подачекъ, еще открывали то тамъ, то здѣсь, съ

крышъ, предательскій пулеметный огонь. Ихъ пулеметы слѣпо разстрѣливали всѣхъ, не разбирая дѣтей, солдатъ и женщинъ.

Они видѣли съ крышъ, какъ кипитъ и колыхается возставшій городъ, празднуя величественную побѣду. И, вѣроятно, они знали уже, что погибли и безцѣльно били изъ своихъ пулеметовъ въ яростномъ отчаяніи, какъ загнанные звѣри...

Боевыми цѣпями, съ дозорами впереди шли по улицамъ павловцы. И если городовые открывали съ крышъ неумѣлый пулеметный огонь,—смѣльчаки мгновенно вбѣгали въ дома, подымались на чердаки, на крыши...

Городовыхъ снимали. Но щадило ихъ доброе солдатское сердце и всѣхъ, кто только не сопротивлялся, отправляли подъ конвоемъ въ Гос. Думу.

Другой офицеръ, исполняя приказаніе, шелъ въ это время отъ Думы къ Михайловскому манежу.

На Моховой ул. его окружила встревоженная толпа рабочихъ, студентовъ и женщинъ.

— Помогите,—кричали оттуда: дайте караулы.. Толпа напираетъ на винные склады,—Могутъ разгромить погреба, напиться... Помогите.

На Моховой ул.—огромный домъ занятъ винными складами Удѣльнаго Вѣдомства. Въ воротахъ какіе-то солдатики уже оттискивали прикладами напирающихъ во дворъ дома уличныхъ подростковъ, босяковъ и чернь. Солдатики выбивались изъ силъ, они охрипли отъ криковъ...

Офицеръ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Съ отрядомъ солдатъ онъ быстро спускается въ подвалы. Тамъ кучка усталыхъ, вспотѣвшихъ, забрызганныхъ съ ногъ до головы краснымъ виномъ

добровольцевъ—бьетъ носками, прикладами и полѣньями бутылки, которыми подвалы были набиты до потолка. Звенятъ и разлетаются бутылочныя стекла, вино брызжетъ красными фонтанами, шипитъ...

Офицеръ приказываетъ вышибать днища огромныхъ винныхъ бочекъ. И вотъ,—отовсюду хлынуло съ шумомъ вино и залило, пѣнясь розовой пѣной, каменные полы. Подвалы затопили и почти по колѣна ходили люди въ винномъ морѣ...

И только тогда, когда все вино, было испорчено и разлито, офицеръ поставилъ у двора крѣпкіе караулы,—чтобы ни одной капли не досталось толпѣ.

— Это послѣднее распоряженіе Протопопова,—говорили офицеру, когда онъ уходилъ,—открыть по всему городу винные склады, перепоить всѣхъ, устроить погромъ и побѣдить, какъ въ 1905 году побѣдили опоенныхъ матросовъ въ Кронштадтѣ...

Когда офицеръ пришелъ въ Михайловскій манежъ, тамъ кипѣла уже стройная, горячая работа.

Манежъ былъ тогда центромъ, откуда по всему городу разсылались дозорные автомобили, откуда спѣшили солдатскіе караулы для охраны улицъ и зданій и отряды для стычекъ съ городовыми, засѣвшими на крышахъ...

Въ полутемномъ манежѣ стоялъ гулъ и дымъ. Ревѣли гудки, грозно фыркали и стрекотали моторы. Но въ образцовомъ порядкѣ, спокойно и неторопливо, впускались и выпускались боевые автомобили.

И уже только на улицахъ, какъ вѣтеръ, но-

сились они, трепеща красными флажками и сверкая штыками солдатскихъ винтовокъ.

Офицеръ принимаетъ команду надъ павловцами. Дозоры идутъ осматривать крыши домовъ и Михайловскій замокъ. Павловскій караулъ встаетъ на охрану огромныхъ магазиновъ Гвард. Экономическаго Общества...

А въ баталіонъ, въ свои родные казармы на Марсово поле, все сходятся и сходятся съ улицъ усталые павловцы. Но имъ нѣтъ еще отдыха... Каждую минуту вызываются караулы къ общественнымъ зданіямъ, къ магазинамъ, на рынки.

Тревожный телефонный звонокъ.

— Немедленно отправить караулы и пулеметы къ Государственному Банку.

Тамъ ждали грабежей и дикихъ экспропріацій. Тамъ на всю ночь, съ винтовками въ рукахъ, встали на караулъ сами, безъ всякаго приказа,— какіе-то пѣхотинцы, понимая, сколько милліоновъ народныхъ денегъ сторожатъ ихъ штыки. Павловцы смѣнили у Банка пѣхоту...

А на Милліонной ул изъ особняка № 12, что не далеко отъ Павловскихъ казармъ, вдругъ была открыта около 2-хъ ч. дня, стрѣльба изъ револьверовъ. На панели около особняка, былъ тяжело раненъ преображенскій солдатъ, и убитъ наповалъ какой-то молодой, статный матросикъ.

Въ народъ стрѣлялъ обезумѣвшій старикъ— баронъ Штакельбергъ и его старый швейцаръ. Но они стрѣляли не долго... Яростнымъ штурмомъ взяли войска особнякъ, и черезъ минуту толпа волочила уже трупъ стараго барона и его слуги къ набережной Невы.

Еще одного нашли въ особнякѣ. Толпа подозрѣвала и его въ стрѣльбѣ, уже тащила на улицу.. Третьяго спасли Павловскіе офицеры. Одинъ изъ нихъ заслонилъ своимъ тѣломъ избиваемаго и крикнулъ толпѣ:

— Товарищи, не надо жестокостей! Его нужно арестовать, судить... Успокойтесь, братья... Дайте намъ арестовать его.

Толпа напирала. Волновалась яростнымъ гнѣвомъ, но горячій призывъ молодого офицера понемногу успокаивалъ ее... Арестованнаго удалось посадить въ автомобиль, захлопнуть дверцы и отвезти въ Гос. Думу.

Въ Аптекарскомъ переулкѣ, что также рядомъ съ Павловскими казармами, былъ немного позже арестованъ на улицѣ солдатами и народомъ бывшій генералъ-губернаторъ Варшавы, извѣстный баронъ Корфъ. Офицеръ-павловецъ еле-еле уберегъ его отъ слѣпого гнѣва толпы и также увезъ на извозчикѣ подъ арестъ въ Гос. Думу...

Въ жаркой лихорадкѣ работы былъ въ дни революціи Павловскій батальонъ, но уже 29 февраля онъ успѣлъ выбрать себѣ новыхъ товарищей-командировъ. И слился теперь въ одну дружную и крѣпкую силу солдатъ и офицеровъ, спаянныхъ на всегда общей революціонной славой...

А своимъ боевымъ товарищамъ, героямъ защищающимъ Родину и свободу ея отъ германскихъ штыковъ,—такое трогательное письмо послалъ въ тѣ же дни изъ Петрограда въ окопы нашъ Павловскій баталіонъ.

«ГВАРДЕЙСКОМУ ПАВЛОВСКОМУ ПОЛКУ,

Дѣйствующая армія»,

«ДОРОГІЕ ТОВАРИЩИ».

«Вы хорошо помните, съ какимъ подъемомъ и энтузіазмомъ въ 1914 году весь русскій народъ, его славная армія и флотъ приняли вѣсть о войнѣ съ ненавистнымъ, вѣковѣчнымъ врагомъ Россіи и славянства—Германіей. Полные довѣрія къ старому правительству солдаты шли на смерть ради будущаго счастья дорогого отечества. Но по мѣрѣ продолженія войны, въ сознаніе народа стало проникать убѣжденіе, что правительство не только не способно справиться съ великой національной задачей, но больше того, стало очевиднымъ, что оно преступно толкаетъ нашу Родину въ ужасную пропасть гибели и пораженія. Тайныя и явныя предательства въ отношеніи Родины, преступныя вліянія темныхъ силъ на направленіе внутренней и внѣшней политики, полное игнорированіе и недопустимо-презрительное отношеніе правительства ко всѣму русскому народу въ лицѣ его лучшихъ избранниковъ—Членовъ Государственной Думы, полное разстройство и дезорганизація всей страны, заставили наконецъ народъ и армію свергнуть старую власть ради спасенія Великодержавной Россіи».

«Наступающая весна, а съ нею возможное наступленіе врага на Сѣверномъ фронтѣ и угроза самому Петрограду съ каждымъ днемъ все больше и больше волновали населеніе столицы и войскъ. Въ 20-хъ числахъ февраля революціонная мысль

народа съ неудержимой, стихійной силой стала вырываться наружу и претворяться въ революціонное дѣйствіе, сперва въ видѣ отдѣльныхъ вспышекъ протеста и негодованія, а затѣмъ, съ присоединеніемъ на сторону народа арміи и флота, это движеніе съ неслыханной въ исторіи народовъ скоростью и силой выросло въ великое дѣло полнаго «освобожденія Русскаго народа отъ вѣковой тираніи царскаго правительства».

«Нашъ славный полкъ заслуженно можетъ гордиться тѣмъ, что онъ въ лицѣ своей доблестной 4-й роты, гдѣ большинство старослужащихъ и Георгіевскихъ кавалеровъ, явился смѣлымъ авангардомъ борцовъ за Народную свободу».

«Въ воскресеніе 26-го февраля въ 3 часа дня 4-я рота, возмущенная жестокой расправой правительства съ народомъ, въ благородномъ порывѣ негодованія, почти безоружная, стихійной лавиной ринулась на улицы столицы, чтобы умереть за великое дѣло народной свободы».

«Дружными усиліями всѣхъ войскъ Петроградскаго и окрестныхъ гарнизоновъ справедливое дѣло народной свободы закончилось полной побѣдой; послѣ чего началась быстрая и энергичная работа по возстановленію новаго порядка, основаннаго на справедливости и взаимномъ уваженіи свободныхъ гражданъ Великой Россіи. Уже 14-го марта запасный баталіонъ нашего полка въ полномъ боевомъ порядкѣ, при офицерахъ и съ хоромъ полковой музыки явился привѣтствовать Временное Правительство и нашего доблестнаго командующаго войсками генерала Корнилова, чѣмъ и показалъ примѣръ сознательнаго и серьезнаго отношенія къ дѣ-

лу народной свободы. Послѣ того какъ мы побѣдили врага внутренняго—старое правительство, первая мысль наша была о Васъ, дорогіе товарищи, о Васъ, которые выполняли въ это время другую великую задачу, охраняя свободную отнынѣ Родину отъ врага внѣшняго. Мы первымъ дѣломъ стали на работу. Занятія съ молодыми солдатами возобновились и вопросъ о пополненіи убыли Вашихъ ротъ является въ настоящее время нашей первой и главнѣйшей задачей. Тѣхъ людей, которые при старомъ режимѣ скрывались и прятались, мы отправимъ на фронтъ, чтобы не было несправедливости. Фабрики и заводы стали на работу и мы принимаемъ всѣ мѣры для возможно-большей выработки снарядовъ. Вопросъ продовольствія столицы и арміи успѣшно налаживается и мы всѣ съ полной надеждой смотримъ на свѣтлое будущее нашей родной земли».

«Въ виду отреченія отъ престола царя за себя и за сына, а равно и отреченія Михаила Александровича Временное Правительство, составленное изъ членовъ Государственной Думы въ лицѣ ея лучшихъ избранниковъ, восприняло всю полноту верховной власти Государства Россійскаго впредь до созыва Учредительнаго Собранія, кое будетъ созвано на основахъ прямого, всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія для окончательнаго опредѣленія формы правленія, наиболѣе отвѣчающей желанію большинства Русскаго народа».

«Дорогіе товарищи, мы просимъ Васъ не вѣрить тѣмъ слухамъ, которые распространяются среди Васъ нашими врагами, о томъ, что у насъ въ тылу полный безпорядокъ и отсутствіе дисци-

плины. Наоборотъ, мы всѣ здѣсь сознаемъ важность и необходимость полнаго, искренняго и братскаго единенія, безъ различія партій, сословій и національностей, передъ грозной опасностью вторженія врага внѣшняго, который напрягаетъ всѣ силы, чтобы побѣдить насъ и лишить насъ только что завоеванной свободы, той свободы, которая не дешево обошлась Русскому народу. Вы должны знать, что еще за много десятковъ лѣтъ до счастливыхъ февральскихъ дней лучшіе люди Россіи въ лицѣ ея передовой интеллигенціи, студентовъ, офицеровъ, солдатъ и рабочихъ вели ожесточенную борьбу со старымъ правительствомъ, сотнями гибли на висѣлицахъ и въ тюрьмахъ далекой и холодной Сибири. Это тотъ беззавѣтно-храбрый авангардъ Великой Россійской революціи, который съ безумной смѣлостью поднялъ знамя народной свободы еще въ 1825 году и славное имя которому «Декабристы».

«До Васъ конечно дошли слухи, что мы устроили свою внутреннюю жизнь на новыхъ началахъ равенства, признавая каждаго полноправнымъ гражданиномъ свободной Россіи».

«Въ первые дни, послѣдовавшіе за переворотомъ, мы, озабоченные скорѣйшимъ водвореніемъ порядка въ нашихъ рядахъ выбрали своими начальниками тѣхъ офицеровъ, которымъ мы безусловно довѣряемъ и которые были утверждены Временнымъ Правительствомъ. Но такіе выборы явились возможными лишь вдали отъ врага, какъ мѣра, продиктованная необходимостью ради полнаго закрѣпленія дѣла нашей и Вашей свободы, и признается, какъ Солдатскими депутатами, такъ и Временнымъ Правительствомъ недопустимой на

фронтѣ, въ виду непріятеля, гдѣ такой порядокъ — порядокъ выборный могъ бы повредить великому дѣлу защиты нашей дорогой Родины. Всѣми нами единогласно признано, какъ незыблемое правило — необходимость «дисциплины въ строю и на службѣ». Вы же, товарищи, передъ лицомъ врага состоите на непрерывной службѣ и въ то время, когда Вы совершаете великій подвигъ защиты Родины, здѣсь Временное Правительство въ полномъ согласіи съ Совѣтомъ Офицерскихъ, Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ вырабатываетъ уставы войсковой жизни на новыхъ началахъ взаимнаго уваженія, довѣрія и справедливости».

«Не вѣрьте также, товарищи, и слухамъ о разногласіяхъ у насъ по вопросу о войнѣ. Мы всѣ единодушно готовы вести войну до полной побѣды за нашу свободу и за освобожденіе союзныхъ съ нами народовъ, угнетенныхъ Германіей. И Вы и мы хорошо понимаемъ, что немедленное прекращеніе войны явилось бы гибелью народной свободы, гибелью всей Россіи и измѣной товарищамъ по оружію. Какъ Вы поклялись отстаивать Родину отъ врага внѣшняго, такъ и мы клянемся Вамъ, дорогіе братья, стоять здѣсь на стражѣ народной свободы и всемѣрно заботиться о правильномъ и полномъ снабженіи арміи снарядами и продовольствіемъ, для чего мы считаемъ нужнымъ организовать постоянный надзоръ надъ заводами, работающими на оборону, чтобы безпредѣльно увеличить ихъ производительность».

«Мы здѣсь работаемъ и перестраиваемъ жизнь на новыхъ началахъ свободы, равенства и братства, отдавая на это всѣ силы наши и все разумѣніе

наше. Мы съ вѣрой и надеждой смотримъ на Васъ и глубоко убѣждены, что и Вы тамъ, передъ лицомъ смерти, въ полномъ согласіи съ нами защитите великое дѣло нынѣ Свободной Россіи отъ покушеній на нее врага внѣшняго».

«Пусть не смущаются сердца Ваши никакими сомнѣніями, спокойно и мужественно заканчивайте Ваше великое дѣло побѣды надъ врагомъ и знайте, что мы здѣсь свято хранимъ Вашу свободу отъ врага внутренцяго».

«Дорогіе Товарищи и Братья, да поможетъ и благословитъ Васъ Господь въ Вашемъ великомъ ратномъ дѣлѣ служенія родной землѣ».

«Да здравствуетъ нашъ родной Павловскій полкъ! Да здравствуетъ Демократическая Республика! Да здравствуетъ Земля и Воля! Да здравствуетъ побѣдоносная Русская Армія и Славныя Арміи нашихъ вѣрныхъ Союзниковъ!

«Петроградъ, 22 Марта 1917 года».

‹Запасный баталіонъ Гвардейскаго Павловскаго полка».

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Освобожденная Россія».

(Таврическій дворецъ, комн. 28).

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

№ 1. *Т. А. Богдановичъ*—Великіе дни революціи. Ц. 15 к.

№ 2. *П. В. Герасимовъ*—Новый строй и права свободныхъ гражданъ. Ц. 15 к.

№ 3. *В. В. Португаловъ* — Царствованіе послѣдняго Романова. Ц. 15 к.

№ 4. *Ив. Лукашъ*—Преображенцы. Ц. 15 к.

№ 5. *Ив. Лукашъ*—«Волынцы». Ц. 15 к.

№ 6. *Ив. Лукашъ*—«Павловцы». Ц. 15 к.

№ 7. *Т. Богдановичъ* — Почему мы воюемъ? Ц. 10 к.

№ 8. *Н. Овсянниковъ* — Что такое Учредительное Собраніе и основные законы. Ц. 8 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

№ 9. *Я. Я. Гуревичъ* — О государственномъ управленіи. Ц. 15 к.

№ 10. *П. Люблинскій*—О свободѣ. Ц. 5 к.

№ 11. *Тарасовъ*—Николаевщина. Ц. 20 к.

№ 12. *Ипполитовъ*—Монархія и республика. Ц. 10 к.

№ 13. *Ольговичъ* — Неприкосновенность личности и жилища. Ц. 5 к.

№ 14. *Б. Филатовичъ*—О дисциплинѣ въ арміи. Ц. 10 к.

СБОРНИЧКИ
«Освобожденной Россіи».

Вып. 1-й. Статьи: К. К. Арсеньева, П. П. Маслова, Н. П. Огановскаго, А. Н. Потресова, А. А. Яблоновскаго. Ц. 10 к.

Вып. 2-й. Статьи: Д. В. Философова, П. А. Берлина, В. В. Португалова. Ц. 15 к.

Чтобы вести войну—нужны деньги.

Подписывайтесь на заемъ свободы!

Новое Правительство, облеченное довѣріемъ народа, будетъ расходовать ихъ на дѣло народа.

Всѣ, кто любитъ родину, подписывайтесь на заемъ свободы!

